

РАЗВОРОТ

СОВЕСЕДНИК

Дмитрий Сапегин: Пермь — это ответ на какой вопрос?

Эксперт по социальным технологиям — об «охоте к перемене мест» и о том, как и почему нужно работать с намерениями людей

ВАЛЕРИЙ МАЗАНОВ

— Дмитрий Евгеньевич, в Пермском крае регулярно возникают дискуссии по поводу намерений молодежи, да и взрослых людей, покинуть регион в поисках «лучшей доли». Видимо, у власти есть задача сохранить перспективный «человеческий капитал» для развития территории. Но до сих пор попытки решения этой задачи, кажется, к каким-то существенным результатам не привели. Почему?

— В периоды перемен часто возникает какая-то тема, состоящая из правильных слов, расположенных в правильном порядке, которую вроде бы не грех поддерживать. Множество людей, произнося слова из названия этой темы, начинают совершать какие-то действия, не осмысливая контекста. При этом вреда развитию страны, края, города никто не хочет. Но эффект, который обычно считают положительным, даже если он и возникает, оказывается краткосрочным. То есть сделали хорошо, но ненадолго.

Если же вникать в контекст динамики миграционных настроений молодежи, то стоит для начала задаться вопросами: от чего бегут и к чему бегут? Когда такие вопросы задаются редко, то сама их постановка может быть полезнее ответа.

Но если всё-таки попытаться ответить на них, то логика ответа понятна: когда ты хочешь сделать так, чтобы от тебя никуда не бежали, нужно ликвидировать источники страха и создавать источники надежды.

— Вроде всё совершенно очевидно. У вас есть ответы на вопросы — от чего и к чему бегут?

— Исследования, которые проводились на эту тему начиная с 2010 года, говорят о том, что больше половины оснований для отъезда молодежи составляют два основных тезиса: «Нет возможности найти достойную, интересную и высокооплачиваемую работу» и «Не нравится город». «Не нравится» — это значит «грязно», «некомфортно». Так как оснований для отъезда — два, то задача изменения тенденции достаточно проста в постановке. Надо дать молодежи интересную работу и сделать город благоустроенным.

Следует отметить ещё одну важную, но неочевидную вещь. Заниматься нужно изучением именно намерений, а не числа уехавших и приехавших. Потому что подсчёт числа тех, кто уже поехал, даёт лишь «эффект индейки», у которой была весёлая и счастливая жизнь до тех пор, пока её не приготовили. А вот исследования намерений дают возможность представить механизмы, которые существуют в головах тех или иных социальных групп и действовать в соответствии с пониманием этих механизмов.

Я уже говорил в одном из интервью, что позитивно оцениваю желание губернатора сделать акцент на урбанистике, поскольку это отвечает долгосрочным социальным трендам. Если давным-давно существует запрос на то, чтобы увидеть комфортный город, в котором есть современные и хорошо оплачиваемые профессии, то ответ власти: «Да, мы будем делать такой город», — совершенно правильный.

Другое дело, что этот ответ даёт только новый губернатор. За долгие годы, которые существовал этот запрос, выросло и стало взрослым целое поколение. И все эти годы не находилось людей, которые удосужились бы заглянуть в социологические опросы и подписались под тем, что видимым и проверяемым результатом их социотехнических действий начиная с «культурной революции» до мероприятий «государственной молодежной политики» будет скорректированная динамика отъезда молодежи из территории.

— Здесь согласиться трудно. Ведь начиная с того же 2010 года постоянно звучали декларации о создании «европейского города»: мастер-план, генплан, стратегия развития, появление пешеходной улицы и даже упражнения Марата Гельмана и его команды — всё это подавалось под соусом создания «комфортного города».

Если вникать в контекст динамики миграционных настроений молодежи, то стоит для начала задаться вопросами: от чего бегут и к чему бегут?

— Когда возникают разногласия в оценке тенденций, надо посмотреть на бюджет — сколько средств на что конкретно тратилось. Если мы вспомним те годы, то увидим, что основные усилия были сосредоточены на создании культурной среды. Но ведь основаниями для оттока молодежи в 2010 году были, грубо говоря, отсутствие работы, грязь и кривые тротуары. Проще сказать: молодежь уезжала не из-за отсутствия красных человечков и движухи на улице Пермской, а из-за того, что нет работы и нормального благоустройства.

В последнее время сделано многое, центр стал чище, местами даже красивым. Но чтобы руки не опускались, представителям власти стоит время от времени приезжать на Крохалевку, желательно весной, и проходить её пешком, например через Октябрьский. А ведь именно там живут люди, которые время от времени ездят в Европу, Турцию, а потом возвращаются и сравнивают.

Дмитрий Евгеньевич Сапегин

В 1984 году окончил Пермский политехнический институт по специальности «автоматика и телемеханика». Сфера деятельности — социальные, маркетинговые и интернет-проекты, политтехнологии, брендинг, консультирование по продвижению инвестиционных проектов, разработка стратегий развития. Советник главного федерального инспектора по Пермскому краю в 2006–2009 годах. Автор программы «Молодёжь Прикамья 2002–2005» (программа принята законом Пермской области в 2002 году). Эксперт Стратегии СЭР Пермского края до 2026 года, принятой Законодательным собранием Пермского края в 2011 году. Представитель РФ в реализации Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2020 года.

Так вот, возвращаясь в прошлое, — акцент был сделан совершенно не на том. Примерно 56% опрошенных просили: дайте нормальную работу по специальности и сделайте так, чтобы город был благоустроен. «Белых ночей» в этом списке не было. Я не говорю, что «Белые ночи» не нужны. Но если мы говорим о том, что мы решаем какие-то задачи, то давай-

Это место в голове состоит не из дорог, мостов, газонов и денег. Его конструкция — это конфликт представлений о жизни.

По разным причинам люди уезжают и из куда более интересных, чем Пермь, городов — из Питера, например. К тому же замечу, что и в Пермь приезжают — причём не только из городов края, но и из других территорий и стран. То есть люди принимают решение о переезде исходя только из своих представлений, для меня это абсолютно очевидно.

— Тоже непросто с этим согласиться. В соцсетях есть множество групп, посвящённых возможностям миграции. Там люди обсуждают вполне прикладные вопросы: налоговый режим, цены, инфраструктура, медицина и образование, транспорт, условия для отдыха и пр. Как же это — «нет денег, дорог и мостов»?

— Вы говорите немного о другом: люди действительно всё это обсуждают в таких группах. Но они же почему-то всё ещё здесь. Значит, у них есть больше оснований остаться, чем оснований уехать. Перед тем как уехать, надо понять не только то, что получишь, но и от чего откажешься.

Мы, к примеру, можем обсуждать стоимость жилья в Чехии, уровень цен и в процессе обсуждения с удивлением узнать, что удовольствие вызвать скорую там обойдётся в сумму примерно 14 тыс. руб. В США подобное — по страховке бесплатно, а без страховки можно получить в счёт совершенно непредсказуемую сумму. Вызывать врача, чтобы померить давление или поговорить по душам, просто так не получится.

В этом ряду стоят не только рациональные вещи — для многих оказыва-

те посмотрим хотя бы на опыт соседнего Татарстана. Там до сих пор существует практика выделения бюджета на изменение процентного показателя тех или иных ожиданий, намерений, любой другой социальной динамики. И чиновник отвечает всем, чем он может отвечать, за изменение этого процента по результатам независимых социологических исследований. И так там работали ещё с 2010 года. Прямо скажем, некоторые результаты есть.

— Итак, мы вроде бы ответили на вопрос: «От чего бегут?» Самое время сказать — к чему бегут?

— Для меня в своё время было удивительно, что доля желающих уехать из места своего жительства примерно одинакова не то что в разных городах страны, но даже в разных странах. Люди едут, потому что у них в голове есть представление — подчёркиваю, представление — о том, что где-то есть место, соответствующее их пониманию того, что есть хорошо.